

«Юрист-архитектор» как новейший тип профессиональной субъектности и продукт правового антропоцентризма в условиях цифровой революции общества

Рустам Зайниддинович Махмадиев

Российский новый университет, г. Москва, Россия.

rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья представляет собой результат исследования развития антропоцентристских установок в отечественной философско-правовой мысли, доктринальная систематизация которых может служить методологической и аксиологической основой для преобразования компетентностной модели юриста в сторону «юриста-архитектора», ключевым методом которого должна стать реинтеграция различных регуляторов общественных отношений в условиях цифровой реальности. Делается вывод о необходимости инкорпорации в методологический инструментарий юриста наработок юридической антропологии. Автором предпринимается попытка обоснования необходимости преодоления гносеологического уклона методологии права в сторону ее праксеологической функции. Предлагаемые в статье подходы позволяют адаптировать юридическую профессию к технологизации общества и выстроить суверенную отечественную ценностно насыщенную модель работы юриста с правовой и цифровой реальностью.

Целью проведенного исследования является разработка и теоретико-методологическое обоснование новой компетентностной модели «юриста-архитектора» в контексте установок правового антропоцентризма, юридической антропологии и аксиологического наследия отечественной философско-правовой мысли.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных исследователей в области философии и истории права, методологии права и юридической антропологии (Б.Н. Чичерин, О.А. Пучков, В.Н. Синюков, Д.А. Пашенцев, Э. Аннерс и других), а также новейшие концептуальные разработки в области правового проектирования и антропоцентризма (Р.З. Махмадиев, С.Ю. Кашкин).

Методологическую основу работы составляют принципы междисциплинарности и сочетания теоретико-правового и прикладного (юридико-технического) знания. В качестве ключевых методов исследования были использованы: праксеологический и аксиологический методы, метод сравнительно-правового анализа, онтологический подход, общенаучные методы.

Результаты. Раскрыт аксиологический и онтологический кризис парадигмы компетентностной модели «юриста-ремесленника» перед лицом современных вызовов, новейших технологий, включая генеративный ИИ. В условиях усложнения нормативной структуры общества право разделило регулятивное пространство с программным кодом («Code as Law»), алгоритмами платформ и сетевой этикой. Концептуализирована модель «юриста-архитектора» как реинтегратора различных регуляторов общественных отношений в условиях цифровой революции. Сформированы требования к антропологической модернизации юридического образования.

Выводы. В работе обосновывается необходимость трансформации методологии права от гносеологической (созерцательной) доминирующей направленности в сторону онтологической и праксеологической функций. В качестве аксиологической основы правовопонимания современного юриста предлагается утвердить установки правового антропоцентризма, основанные на ценностях отечественной культурно-правовой и философской традиции, которые, по мнению автора, способны выступить в качестве методологического щита автономии личности в эпоху цифровой дегуманизации.

Ключевые слова: юрист-архитектор, юрист-ремесленник, правовой антропоцентризм, юридическая антропология, права человека, философия права.

Для цитирования: Махмадиев Р. З. «Юрист-Архитектор» как новейший тип профессиональной субъектности и продукт правового антропоцентризма в условиях цифровой революции общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 3. С 55-67. EDN: VGFOOB

Original article

The «lawyer-architect» as a novel type of professional agency and a product of legal anthropocentrism in the context of the digital revolution in society

Rustam Z. Makhmadiev

Russian New University, Moscow, Russia.

rustam.mahmadiev.mos@gmail.com

Annotation

Introduction. The article presents the results of a study of the development of anthropocentric approaches in Russian philosophical and legal thought, the doctrinal systematization of which can serve as a methodological and axiological basis for transforming the competence based model of a lawyer towards the «lawyer-architect», the key method of which should be the reintegration of various regulators of social relations in the context of digital reality. The conclusion is drawn that it is necessary to incorporate the achievements of legal anthropology into the methodological toolkit of a lawyer. The author attempts to substantiate the need to overcome the epistemological bias in the methodology of law and shift towards its praxeological function. The approaches proposed in the article make it possible to adapt the legal profession to the technologization of society and to build a sovereign, value rich domestic model of legal engineering.

The aim of the study is to develop and provide a theoretical and methodological justification for a new competency model of a «lawyer-architect» in the context of the principles of legal anthropocentrism, legal anthropology, and the axiological heritage of domestic philosophical and legal thought.

Materials and methods. The theoretical foundation of the study is based on the fundamental works of domestic and foreign researchers in the fields of philosophy and history of law, methodology of law, and legal anthropology (B.N. Chicherin, O.A. Puchkov, V.N. Sinyukov, D.A. Pashentsev, E. Annars, and others), as well as the latest conceptual developments in the field of legal design and anthropocentrism (R.Z. Makhmadiev, S.Yu. Kashkin).

The methodological basis of the work is the principles of interdisciplinarity and the combination of theoretical-legal and applied (legal-technical) knowledge. The key research methods used were: praxeological and axiological methods, the method of comparative legal analysis, the ontological approach, and general scientific methods.

Results. The axiological and ontological crisis of the paradigm of the competence-based model of the «lawyer-craftsman» is revealed in the face of modern challenges and the latest technologies, including generative AI. In the context of the growing complexity of the normative structure of society, law has shared the regulatory space with software code («Code as Law»), platform algorithms, and network ethics. The model of the «lawyer-architect» is conceptualized as a reintegrator of various regulators of social relations in the context of the digital revolution. Requirements for the anthropological modernization of legal education have been formulated.

Conclusions. The paper substantiates the need to transform the methodology of law from a predominantly epistemological (contemplative) focus towards ontological and praxeological functions. As an axiological basis for the modern lawyer's understanding of law, it is proposed to establish the principles of legal anthropocentrism, based on the values of the national cultural, legal, and philosophical tradition, which, in the author's view, can serve as a methodological shield for the autonomy of the individual in the era of digital dehumanization.

Keywords: lawyer-architect, lawyer-craftsman, legal anthropocentrism, legal anthropology, human rights, philosophy of law.

For citation: Makhmadiev, R. Z. The «lawyer-architect» as a novel type of professional agency and a product of legal anthropocentrism in the context of the digital revolution in society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026 (3): 55 – 67. (In Russ). EDN: VGFOOB

Введение

Идеи о ценности человеческой жизни, прав и свобод человека веками занимали и продолжают занимать лучшие умы человечества, представляя собой сложнейшие в осмыслении и доктринальной систематизации проблемы: эмпиризм и схоластическое теоретизирование лишь подчеркивали всю сложность онтологического статуса указанных категорий. На протяжении всей истории развития человечества, права и государства человек в том или ином виде занимал центральное место в философско-правовых воззрениях и учениях, сопутствующих развитию тех или иных сообществ, отличающихся разной степенью развитости правовых институтов. Периодически этими учениями в связке с правовыми нормами эксплицитно подчеркивалась главенствующая роль человека ценностном измерении его взаимоотношений с государством и обществом (достаточно вспомнить известные слова Протагора: «Человек есть мера всех вещей, сущих – что они существуют, несущих – что они не существуют») [1, с. 317], а иногда идеи о ценности человеческой жизни, заботе о личности лишь имплицитно отражались в политико-правовых учениях, протонормах или законодательных нормах государства (Законы Хаммурапи: «Если человек взял жену, а ее постигла проказа, и он захочет взять другую, то он может взять, но свою жену, которую постигла проказа, он не должен покинуть, она может жить в его доме, который он построил, и, пока она жива, он должен ее содержать») [2, с. 22]. В любом случае права человека, ценность жизни человека и интересов личности в самом широком смысле получили свое многообразное развитие в огромном спектре исследовательских философско-правовых направлений и концепций правопонимания.

Представляется, что интегративный и кумулятивный потенциал в контексте систематизации идей о ценности человека в его взаимоотношениях с обществом и государством все больше обретает правовой антропоцентризм (от древнегреческого *ἄνθρωπος* – человек и латинского *centrum* – центр), который можно охарактеризовать в качестве закономерного феномена развития гуманитарного знания в целом, теоретико-правового подхода и современной концепции правопонимания в частности. Отражение идей правового антропоцентризма с их особой ценностной и методологической спецификой можно наблюдать, предметно анализируя практически любой этап развития права и государства. В этой связи представляется целесообразным постепенное и последовательное придание доктринальной четкости и структурированности установкам правового антропоцентризма, которые, как представляется, призваны служить выражением аксиологического превосходства отечественной системы права. В отличие от многих западно-ориентированных концепций правогенеза, результатом которых стала ситуация, при которой западные правовые порядки всё глубже на разных уровнях правоприменения подчиняются утилитарным интересам транснациональных корпораций [3], российская правовая традиция исторически была центрирована вокруг подлинного блага человека и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, подтверждения чему можно найти, анализируя классику отечественной философско-правовой мысли.

Многие из отечественных трудов, содержащих философско-правовую экспликацию вопросов соотношения права, добра и справедливости, в том или ином виде особенно предельно опирались на возвышенную идею онтологической неразрывности позитивного права и нравственных ценностей. Известный русский мыслитель В.С. Соловьев, стоявший у истоков «духовного возрождения» XX века, в своем фундаментальном труде «Оправдание добра» декларирует: «Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможно человеческое достоинство и высшее нравственное развитие» [4, с. 581]. А в своем выдающемся труде «Философия права» [5] один из основоположников конституционного права Б.Н. Чичерин выделил самостоятельный монументальный раздел (Книгу третью), состоящий из 4 глав, посвященных нравственности, совести, добродетели и идеалам.

Материалы и методы. Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных исследователей в области философии и истории права, методологии права и юридической антропологии (Б.Н. Чичерин, О.А. Пучков, В.Н. Синюков, Д.А. Пашенцев, Э. Аннерс и других) а также новейшие концептуальные разработки в области правового проектирования и антропоцентризма (Р.З. Махмадиев, С.Ю. Кашкин).

Методологическую основу работы составляют принципы междисциплинарности и сочетания теоретико-правового и прикладного (юридико-технического) знания. В качестве ключевых методов исследования были использованы: праксеологический и аксиологический методы, метод сравнительно-правового анализа, онтологический подход, общенаучные методы.

Обсуждение и результаты

Указанное демонстрирует, что отечественная правовая мысль исторически мыслила юридическую норму в связке с ее антропологическим фундаментом. Именно поэтому, по нашему мнению, идеи правового антропоцентризма выступают сегодня мощным собирательным понятием для всего спектра гуманистических, естественно-правовых и солидаристских интенций, выработанных нашей цивилизацией.

Важность теоретико-правового осмысления правового антропоцентризма видится на фоне:

а) стремительно возрастающих общемировых тенденций к регионализации правовых систем интеграционных образований, государств, локальных правопорядков [6], суверенизации государствами собственных уникальных культурно и национально обусловленных парадигм миропонимания, водружения «права сильного» в ранг непререкаемой политико-правовой парадигмы (геополитический уровень);

б) тотально распространяющихся на практически все сферы общественной жизни и даже глубоко интимные сферы существования личности цифровых технологий, систем искусственного интеллекта, модифицирующих алгоритмы взаимодействия человека с обществом, государством (технологический уровень);

в) трансформации общественного и экономического уклада жизни, при которой в условиях явления «нормативной/законодательной инфляции» [7] императивное право, несмотря на свою связующую и главенствующую роль испытывает сложности в регулятивном потенциале, а силу набирают иные неправовые регуляторы общественных отношений (рынок, традиции, корпоративные стандарты, etc.) (институционально-правовой и регуляторный уровень);

г) кризиса идентичности личности [8], утраты во всем мире человеком своей сущности (субъектности), а регуляторами общественных отношений – человекоориентированности, что выражается в тотальном расслоении и атомизации общества, утрате ценности человеческих связей, института семьи, деконструкции и десакрализации понятий любви,

чести и нравственности как самостоятельных аксиологических категорий в правовой культуре, возведение в Абсолют макиавеллистских принципов взаимодействия личности с миром (экзистенциальный уровень);

д) трансформации экономического уклада жизни в виде перехода к платформенному капитализму и экономике данных, при которой базисом общественных отношений начинает выступать непрерывный оборот цифровых активов, алгоритмический комплаенс и шеринговые и лицензионные бизнес-модели, а традиционные институты собственности, договора и даже субъектности размываются. Ввиду указанного неизбежно изменение самого метода юридической деятельности, профессиональной рамки и компетентностной модели юриста в целом. Это начинает постепенно выражаться в перманентном процессе перехода юридической профессии от парадигмы юриста-ремесленника к парадигме юриста-архитектора [9, с. 190–193], чьей основной функцией выступает реинтеграция права и множества иных регуляторов общественных отношений. Юрист перестает работать лишь с нормой закона, вырабатывая праксеологический инструментарий работы с иными социальными регуляторами (цифрой, рынком, корпоративными стандартами и т.д.). Сохранение привычной компетентностной модели юриста внутри рамки юриста-ремесленника означало бы полную деконструкцию фундамента профессиональной субъектности юриста, который на онтологическом уровне по призванию и первоначальной сути профессии должен являться главным социальным архитектором в обществе в сравнении с иными профессиями. Работа лишь с текстом закона часто уравнивает юриста с делопроизводителем, скрепляющего в законную рамку действия иных профессиональных субъектов коммерческой деятельности, позиционирующих себя в качестве «социальных архитекторов» (экономический уровень);

е) заметного устаревания методологического инструментария юридической профессии, что выразилось в размывании профессиональной идентичности юриста и эрозии естественного типа профессиональной субъектности в виде «юриста-архитектора» (юриста как творца, архитектора смыслов, «инженера общественной жизни») [10, с. 10] примитивизированным типом «юриста-ремесленника», функция которого в современном обществе редуцирована до операционального механистического применения готовых документальных форм, шаблонов и алгоритмов для придания формальной законности действиям иных субъектов коммерческой и общественной деятельности. При этом творческие функции «социальных архитекторов» [11, с. 1–10], представители политологических и социологических направлений де-факто пытаются привязать к лишенным методологической рамки «политическим консультантам» [11], (термин, лишенный строгой денотативной определенности), проектным менеджерам, общественным активистам, маркетологам и т.д., что в итоге превращает проектирование сложнейших государственно-правовых и общественных институтов в подобие хаотичного стартапа, при котором стратегическое планирование заменяется фрагментарным проектным администрированием ради «KPI». А юрист, в основу профессиональной компетенции которого, в отличие от всех остальных профессий, напрямую положены фундаментальные и широчайшие вопросы о закономерностях развития права, общественных институтов, государства (говоря иначе, в том числе – вопросы развития так называемых «социальных технологий»), в коммерческом секторе поставлен в роль сервисного обслуживающего персонала, «бумажного корректора» для вышеназванных категорий специалистов (методологический уровень).

Относительно пункта «а» о тенденциях регионализации особенно важно отметить: кризис теории международного права прав человека, базирующейся на софистических способах теоретизации естественного права [12, с. 100–103], лишь обнажает проблему методологической бедности большинства господствующих до недавнего времени западно-ориентированных концепций правопонимания, порой не учитывающих на юридико-антропологическом уровне все многообразие и сложность пласта культурных кодов, традиций

и ценностно-нормативных систем, определяющих правовое бытие неевропейских цивилизаций. По нашему мнению, отечественное право нуждается в формировании собственных самобытных методологических подходов в экспликации общественных явлений, места личности в правовой архитектуре общества, основанных на цивилизационном подходе и традиционных духовно-нравственных ценностях российского общества.

А. Тойнби, высказываясь о процессе исследовании различных типов цивилизаций, внесших свой вклад в создание «экуменической цивилизации», подчеркивал и опасность, связанную с ее возникновением в виде «потери личностной идентификации» и полнейшей унификации [13]. А. Тойнби таким образом пытался указать на недопустимость объединения мира в западной «системе координат», чрезмерно опирающейся на технократичность [14, с. 1–6].

В отношении тезиса о необходимости учета всего культурного многообразия мира при построении цивилизации логично сказать, что в этой связи почетное место в юридической науке занимают наработки юридической антропологии. Д.А. Пашенцевым относительно методологии историко-правовых исследований было указано: «Среди тех методологических трансформаций, которые представляются наиболее перспективными для дальнейшего развития историко-правовой науки, стоит выделить антропологический поворот... можно отметить формирование юридического антропоцентризма, который фактически выступает продолжением традиций социологической юриспруденции в её постклассическом (постнеклассическом) варианте. Антропоцентризм в таком понимании неразрывно связан с конструктивизмом» [15, с. 47].

А «конструктивизм» применительно к ткани социальных отношений предполагает, по нашему убеждению, архитектурную роль юриста, основа компетенции которого означает работу с множеством регуляторов общественных отношений (социальных регуляторов). Таким образом, и в исследованиях правовых явлений и работе с ними на практике качественный антропоцентричный скачок предполагает переход от сосредоточения на объекте (исследовании норм) к сосредоточению на субъекте (самом юристе как архитекторе правовой реальности и его методологическом аппарате). В призма этого взгляда применительно к историко-правовой науке Д.А. Пашенцев далее в своей работе отмечает, что «в ряде случаев господство позитивистских взглядов на историю права приводит к таким негативным аспектам, проявляющимся не только в отдельных статьях, но и в кандидатских диссертациях, как фактическое отождествление законодательства и права применительно к той или иной исторической эпохе, описательный характер работы. Исследование происходивших в правовой сфере процессов порой подменяется нарративом законодательных норм.

В качестве примера можно привести такие темы защищённых диссертаций, как «История развития законодательства о нотариате...», «История развития военного законодательства...», «История акционерного законодательства Российской империи...» и так далее. Для юриспруденции антропологический поворот связан с признанием роли человека как субъекта права в конструировании правовой реальности».

Аналогичной позиции, по нашему мнению, придерживается и О.А. Пучков, докторская диссертация которого сосредоточена на исследовании фундаментальных вопросов интеграции юридической антропологии в методологический аппарат деятельности юриста-практика и исследователя. Красной нитью через всю его работу, на наш взгляд, проходит доминирующая мысль о необходимости смещения акцента с формально-догматического метода исследования правовых явлений на метод, который был бы больше сфокусирован на определении места и роли самого человека в процессах юридической деятельности. Он отмечает, что задачей юридической антропологии является «открытие внутренних закономерностей осуществления юридической деятельности» [16, с. 350].

Л.В. Гумилев, [17] несмотря на большую критику современников методологической рамки его исследований, развивая концепцию «пассионарности» определенных людей,

чья внутренняя энергия и воля к свершениям непреодолимо превышают даже базовый инстинкт самосохранения, на наш взгляд, предпринял попытку демонстрации критической важности проведения антропологического анализа и учета человеческого фактора в любых исследованиях исторических процессов (в том числе и историко-правовых), эволюции государства и любых общественных явлений. Поскольку в его оптике движущей силой неожиданных общественных перемен выступает живой человек, наделенный специфической психосоматической энергией, способной существенно преобразовывать окружающую среду, изучение лишь институционально обусловленной среды и застывших явлений не способно обеспечить качественный адекватный горизонт прогнозирования. Для методологии современного юриста, включая юриста-архитектора, совершающего праксеологический антропологический поворот в сторону изучения прежде всего субъекта, а не только объекта, сказанное имеет решающее значение.

Позитивистский, чисто формально-догматический метод исследования, замкнутый внутри анализа застывших текстов бесплоден. Такой гносеологически обусловленный метод работы с правовой материей, реликтами правовой реальности ушедших эпох, принципиально не способен работать на опережение. Без учета антропологических посылок, динамики человеческого фактора и скрытых закономерностей зарождения «пассионариев» правовая догматика не способна формировать прогностическую аналитику, учитывать множественность общественных регуляторов, культурное многообразие этносов (и, соответственно, особенности их поведения и уклада жизни), психологическую детерминированность общественных явлений. Качественная прогнозная правовая аналитика и проектирование устойчивых гибридных регуляторных систем в условиях цифровой и зачастую правовой неопределенности возможны лишь при постепенном дополнении методологического аппарата правоведа и юриста-практика компетенцией антропологического исследования.

В конечном счете резюмируем, что основополагающе охарактеризовал антропологию права Ю.А. Веденеев «Именно антропологически ориентированная юриспруденция позволяет под новым углом зрения увидеть глубокие культурно-цивилизационные различия в исторических практиках организации систем социальной и политической коммуникации, в том числе важнейшей составляющей – социокультурной легитимации... Борьба за новое право – это одновременно и борьба за новые социальные, экономические и политические ценности. Ценности, легитимирующие изменения в системах юридической организации власти, собственности и управления. В этом плане именно границы и масштабы инерции и сопротивления изменениям в разработке и использовании нового юридического языка и дискурса составляют важнейший аспект предмета антропологии права» [18, с. 16, 22].

Касательно пункта «б» следует констатировать что развитие цифровых технологий, систем генеративного ИИ требует от правовой науки выхода на совершенно иной более высокий уровень способности к выработке методологических решений. Классическая «ремесленная» парадигма работы юриста, основанная на казуальном нормотворчестве и ретроактивном реагировании на юридическое событие в виде ситуативной адаптации готовых юридических шаблонов и форм документов, более не способна эффективно отвечать на вызовы экспоненциального развития технологических явлений. Генеративный ИИ уже сейчас во многих случаях способен эффективнее справляться со многими функциональными задачами деятельности юриста, составлявшими костяк компетентности юриста. К таким задачам относятся правовая экспертиза документов, подготовка ряда типовых и нетиповых документов, анализ судебной практики, формирование прогнозных аналитики [19] и т.д.

Относительно пункта «в» огромную степень актуальности приобретают слова Л. Лессига, профессора права Гарвардского университета и основателя «Creative Commons» (системы альтернативных по отношению к нынешнему копирайту публичных лицензий

на использование авторских произведений), высказанные в рамках дискурса в сфере интеллектуальной собственности, про феномен взаимодействия различных регуляторов общественных отношений с правом: «В мире доцифровых технологий закон обычно контролировал, в каких случаях и как следует регулировать чьи-либо действия с позиции копирайтного права... В интернете правила все больше и больше навязываются не человеком, а компьютером. Все больше и больше копирайтные порядки в интерпретации правообладателя встраиваются в технологию, поставляющую контент, охраняемый авторским правом. Управляет теперь код, а не закон» [20, с. 150].

Таким образом, юрист будущего (юрист-архитектор) в качестве методологической основы своей деятельности обязан овладеть компетенциями по работе с иными регуляторами общественных отношений наряду с правом. Работа лишь с материей позитивного права в условиях технологической и цифровой революции общества обрекает специалиста на профессиональное регрессирование до уровня ремесленника с обедненным инструментарием деятельности, не способного влиять на реальные социальные процессы.

По вопросу пункта «г» следует констатировать наличие в современной социологической и психологической науках огромного массива исследований, подтверждающих указанные проблемы (кризис идентичности личности, атомизация общества, дегуманизация и «макиавеллизация» межличностных и коллективных отношений, эскалация межпоколенческих конфликтов) [21]. Ввиду указанного особенно важное значение приобретает перспектива включения юридической антропологии в качестве не факультативного, а атрибутивного предмета изучения на юридических факультетах. Юрист при конструировании правовых рамок общественных отношений обязан понимать природу человека в качестве живой психосоматической целостности, уязвимой перед лицом тотальной алгоритмизации.

Относительно пункта «д» отметим, что проблема методологического наполнения инструментария юриста (его устаревание, размытость) до сих пор не является объектом пристального внимания в среде юридического сообщества. Обсуждение проблем неготовности методологического аппарата профессии перед лицом новых типов общественных отношений, регуляторов общественных отношений зачастую подменяется извечным диспутом о новых необходимых «цифровых навыках» в юридической деятельности. Так, к примеру, М.А. Дорофеева, Т.М. Самусенко, Д.В. Гонгорова, коллективно рассуждая о LegalTech направлении, будущем профессии, в качестве вывода в русле типичного дискурса о новых технологиях резюмируют, что привычные компетенции должны быть дополнены цифровой культурой, к которой авторы относят: «технологическую адаптивность как умение быстро обучаться новым технологиям; цифровое мышление как приоритет использования цифровых технологий в решении задач; принятие решений с применением анализа данных; эффективное использование цифровых каналов для любого взаимодействия; этика как понимание принципов поведения в цифровой среде; знание принципов информационной безопасности» [22, с. 344].

Этот привычный поверхностный, отдающий скорее обывательским, нежели научным взглядом, вывод оставляет без внимания концептуальную глубину методологического кризиса профессии в современном технологизированном обществе. Авторы де-факто в публицистическом стиле дают рекомендации повседневного характера, применимые к любому современному офисному сотруднику, от которого требуется умение использовать ПК в своей деятельности. И такая содержательно обедненная дискурсивная рамка настоящей проблематики не является проявлением единичного уникального взгляда на проблематику, а представляет собой абсолютно обыденную, масштабно ретранслируемую в публицистических и многих научных юридических работах оптику. В таких работах зачастую приводятся рассуждения о том «заменит ли ИИ юриста», «может ли робот писать законы вместо

живого человека» и т.п. [23, с. 289–291]. Указанное демонстрирует катастрофическое непонимание профессиональным сообществом глубинных причин методологического кризиса профессии в условиях цифровизации общества.

Так, юридической доктрине вместо постоянного подкрепления акцентуации на дихотомии «робот или человек», теоретизации вопросов о «субъектах ответственности за вред ИИ» требуется выработать методологически подкрепленные ответы на следующие фундаментальные вопросы, способные определить дальнейший вектор и качество развития юридической профессии и правовой реальности в целом:

1. В чем заключается онтология юридической профессии в контексте вызовов новой реальности? Помимо формально-догматического метода исследования и работы с правом (исследование содержания законов и работа с ними на практике) какими иными методами должен обладать юрист в правовой деятельности?

2. Как сформировать антропологический предел цифровизации права (как создать измеримую и эффективную антропологическую метрику при работе с цифровыми явлениями, абстрагируясь от простой декларации абстрактных этико-правовых принципов работы с цифровыми алгоритмами)?

3. Как преодолеть превалирование гносеологического или «нарративного» вектора исследований правовых явлений в методологии права в сторону праксеологического?

4. Каков методологический инструментарий юриста и его компетентностная модель в условиях правовой неопределенности, множественности регуляторов общественных отношений (помимо права) и нормативной инфляции? Каковы его методы проектирования и конструирования правовых материй в условиях цифровой реальности?

5. Как выстроить процесс реинтеграции или бесшовной интеграции права с иными регуляторами общественных отношений (рынок, алгоритмы, корпоративные стандарты и т.д.)? Среди всех социальных норм право никогда не было единственным регулятором общественных отношений. Цифровизация во всем мире продемонстрировала обстоятельность этого утверждения, оголив скрытый каркас множества гетерогенных нормативных систем, которые в определенных сферах общественной жизни управляют людьми гораздо быстрее, эффективнее и жестче. Классическая юриспруденция, имея гносеологический методологический инструментарий (привыкшая работать преимущественно с текстом позитивного права (законами) оказалась в ситуации методологического банкротства перед лицом этих невидимых доселе регуляторов общественной жизни (от алгоритмов модерации контента цифровыми платформами до архитектуры распределенных реестров).

6. Каковы пределы и содержания новой методологии юриста, способного инкорпорировать фундаментальные правовые ценности в код («Code as Law»)?

Относительно пункта «е» важно также отметить, что юридическая доктрина в настоящее время характеризуется отсутствием системной методологии профессиональной деятельности, что, иными словами, может быть передано в качестве отсутствия понимания в юридической науке и деятельности того, что именно составляет ядро юридической компетенции и каковы способы ее реализации в условиях усложняющейся социальной реальности и меняющегося миропорядка. В правоведении методология профессиональной деятельности в качестве совокупности учений представлена в меньшей степени в сравнении с методологией познания права. Так, методология познания права в ее, соответственно, гносеологическом выражении разработана достаточно детально, в то время как методология работы с правом в ее праксеологическом выражении находится в стадии становления и не обладает сопоставимой степенью концептуальной проработанности.

«Методология права до сих пор одномерно воспринимается лишь как комплекс теоретических принципов, подходов, способов и методов познания правовой реальности», как ранее было отмечено в совместной работе С.Ю. Кашкина и Р.З. Махмадиева [24, с. 58]. О важности методологического преобразования современной отечественной науки права говорит и В.Н. Синюков, отметивший, что «забыв о советской системе права и базовых

отраслях права, следует тем не менее продвинуться в понимании системной методологии рационального строительства структуры отечественного права, использовать советский опыт через гораздо большее разнообразие форм права и правоприменения. Для этого потребуются совершенно нетривиальные способы, формы и источники нормообразования» [25, с. 49].

Выводы

Принимая во внимание изложенное в настоящей работе, считаем необходимым сформулировать следующие заключительные положения.

- Методология права нуждается в коренном развороте от исторически доминировавшего гносеологического уклона в сторону выработки праксеологического и онтологического подходов. Современная юридическая наука должна перестать иметь доминирующую гносеологическую функцию, которая делает ее скорее познавательной дисциплиной, занятой пассивным описанием и толкованием застывших текстов позитивного права. Правоведение обязано предоставлять специалистам четкое понимание их методологического инструментария как инженеров и проектировщиков, способных проактивно конструировать жизнеспособные нормативно-технические и гибридные регуляторные среды (состоящие из разных социальных регуляторов) и эффективно действовать в перманентных состояниях правовой неопределенности и нормативной инфляции.
- Правовой антропоцентризм должен быть утвержден в качестве магистральной концепции правопонимания цифровой эпохи, выступающей одним из основных философско-правовых и аксиологических щитов для защиты отечественных духовно-нравственных ценностей. Являясь мощным собирательным понятием, правовой антропоцентризм аккумулирует в себе многовековое наследие естественно-правовых учений и солидаристские традиции русской философии права. Правовой антропоцентризм смещает фокус с обслуживания интересов платформенного капитала на подлинное благо человека, устанавливая незыблемые гуманистические фильтры против дегуманизации, алгоритмического отчуждения и когнитивного насилия цифровых алгоритмов и коммерческого интереса над личностью.
- Главным практическим продуктом правового антропоцентризма становится юрист-архитектор, который является социальным инженером (социальным архитектором) нового типа, в то время как фигура юриста-ремесленника должна постепенно уйти в небытие. Профессиональное сообщество обязано преодолеть кризис узкоцехового догматизма и прекратить превращение юриста в конвейерного «станочника» или делопроизводителя. Юрист-ремесленник, ограниченный слепым механическим позитивизмом, бессилен перед лицом цифровой революции. Ему на смену приходит юрист-архитектор, который кристаллизуется в качестве ключевого социального архитектора в самом подлинном онтологическом и аксиологическом смыслах этого слова, превосходя по уровню системного проектирования и гуманитарной ответственности смежные технологические профессии.
- Ключевым праксеологическим методом юриста-архитектора становится реинтеграция разнородных, неюридических регуляторов общественных отношений наряду с правом. В условиях существенной дифференциации регулятивных систем и усложнения нормативной структуры цифрового общества, юрист будущего обязан овладеть компетенциями по дирижированию мультирегуляторными средами, где право бесшовно переплетается с программным кодом (в значении концепции Code as Law), алгоритмами платформ, сетевой этикой и экономическими стимулами. Роль реинтегратора выражается в умении проводить глубокую, в том числе антропологическую и культурологическую оценку регулятивного потенциала различных социальных регуляторов, давать им автономное развитие и целенаправленно воздерживаться от жесткого правового вмешательства там, где иные социальные механизмы демонстрируют большую комплементарность и эффективность.

- Юридическая антропология должна быть взята за основу новой профессиональной компетентностной модели юриста и переведена из статуса факультатива в ранг фундаментального, обязательного предмета изучения на любых юридических факультетах на всем протяжении обучения юриста (в значении непрерывного образования: от скамьи колледжа до аспирантуры). Высшая юридическая школа обязана отказаться от восприятия человека в качестве абстрактной юридической фикции, обслуживающей только норму позитивного права. Программа профильных факультетов требует обязательного включения следующих антропологических дисциплин – юридической антропологии, этнологии, культурологии и социологии. Только такой междисциплинарный фундамент способен наделить юриста-архитектора инструментами антропологического аудита и пониманием живой природы человека, его когнитивной уязвимости и динамики пассионарной энергии в меняющемся цифровом ландшафте общества.

Список источников:

1. Афонасин, Е. В. Протагор из Абдер. Фрагменты и свидетельства / Е. В. Афонасин // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 309–338. – DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-309-338.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак., каф. истории государства и права; сост. В. А. Томсинов. – 2-е изд., доп. – Москва: Зерцало-М, 2004. – 549 с. – ISBN 5-94373-033-8.
3. Galanter, M. Why the "Haves" Come Out Ahead: Speculations on the Limits of Legal Change / M. Galanter // Law & Society Review. – 1974. – Vol. 9, No. 1. – P. 95–160.
4. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2021. – 770 с.
5. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – Москва: типо-лит. И. Н. Кушнерев и К°, 1900. – [4], 337 с.
6. Стожко, Д. К. Диалектика регионализма и глобализма в контексте современного геополитического кризиса / Д. К. Стожко, К. П. Стожко // Вестник Пермского университета. Политология. – 2026. – Т. 20, № 2. – С. 28–37. – DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37.
7. Кожокар, И. П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование / И. П. Кожокар // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 56. – С. 158–186.
8. Пузько, В. И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации / В. И. Пузько // Философия и общество. – 2007. – № 4 (48). – С. 98–113.
9. Махмадиев, Р. З. Рождение юриста-архитектора: новая профессия для нового тысячелетия / Р. З. Махмадиев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 12. – С. 190–193. – DOI: 10.47643/1815-1337_2025_12_190.
10. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс; пер. со швед. Р. Л. Валинского [и др.]. – Москва: Наука, 1999. – 395 с. – ISBN 5-02-008330-5.
11. Шарахина, Л. В. Новые векторы стратегических коммуникаций: социальная архитектура как актуальная повестка / Л. В. Шарахина, В. А. Ачкасова // Litera. – 2025. – № 10. – С. 1–10. – DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76091. – EDN: RUKGWO.
12. Махмадиев, Р. З. Аксиология *ius naturæ* в условиях современности (философско-правовые основы кризиса теории международного права прав человека) / Р. З. Махмадиев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 100–103.
13. Тойнби, А. Дж. Роль личности в истории / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. – Москва: Астрель, 2012. – 222 с. – ISBN 978-5-271-41624-8.
14. Жданов, В. Л. Философия истории Тойнби в контексте глобальных мировых преобразований / В. Л. Жданов // Философская мысль. – 2019. – № 8. – С. 1–6. – DOI: 10.25136/2409-8728.2019.8.30830.

15. Пашенцев, Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях / Д. А. Пашенцев // Московский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 44–50.
16. Пучков, О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве: теоретические основы: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О. А. Пучков. – Екатеринбург, 2001. – 502 с.
17. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 669, [1] с. – ISBN 978-5-389-15673-9.
18. Веденеев, Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями / Ю. А. Веденеев // Lex Russica. – 2016. – № 9 (118). – С. 9–26.
19. Петухова, Е. И. Искусственный интеллект и презумпция добросовестности: правовые границы предиктивной аналитики в государственном аудите / Е. И. Петухова // Право и управление. – 2026. – № 4.
20. Лессиг, Л. Свободная культура: как медиаконцерны используют технологии и законы для того, чтобы душить культуру и контролировать творчество / Л. Лессиг; пер. с англ. О. Данилова. – Москва: Прагматика культуры, 2007. – 269 с. – ISBN 5-98392-009-X.
21. Костоломова, М. В. Социальная реальность и процесс дегуманизации: новые смыслы / М. В. Костоломова // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 3. – С. 241–249.
22. Дорофеева, М. А. Новое будущее для юридической профессии: вызовы и возможности LegalTech / М. А. Дорофеева, Т. М. Самусенко, Д. В. Гонгорова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 3. – С. 337–346.
23. Щербачева, Л. В. Современные IT-технологии в юриспруденции / Л. В. Щербачева // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 289–291.
24. Кашкин, С. Ю. Правовой антропоцентризм как инструмент преодоления методологического кризиса профессии юриста / С. Ю. Кашкин, Р. З. Махмадиев // Право и государство: теория и практика. – 2026. – № 1. – С. 57–61. – DOI: 10.47643/1815-1337_2026_1_57. – EDN: IEGSAY.
25. Синюков, В. Н. Системная методология и закономерности правового регулирования / В. Н. Синюков // Московский юридический журнал. – 2017. – № 4. – С. 42–51.

References:

1. Afonasin E.V. Protagoras of Abdera. Fragments and testimonia. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 2020;14(1):309–338. (In Russ.). DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-1-309-338.
2. Tomsinov V.A., compiler. *Anthology on the history of state and law of foreign countries: antiquity and the Middle Ages*. 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M; 2004. 549 p. (In Russ.). ISBN 5-94373-033-8.
3. Galanter M. Why the “Haves” come out ahead: speculations on the limits of legal change. *Law Soc Rev*. 1974;9(1):95–160.
4. Solovyov V.S. *The justification of the good*. Saint Petersburg: Azbuka-Atticus; 2021. 770 p. (In Russ.).
5. Chicherin B.N. *Philosophy of law*. Moscow: I.N. Kushnerev & Co.; 1900. 337 p. (In Russ.).
6. Stozhko D.K., Stozhko K.P. Dialectics of regionalism and globalism in the context of the contemporary geopolitical crisis. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2026;20(2):28–37. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-28-37.
7. Kozhokar I.P. Legislative inflation: a theoretical and legal study. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;(56):158–186. (In Russ.).
8. Puzko V.I. The crisis of personal identity in the context of globalization. *Philosophy and Society*. 2007;4(48):98–113. (In Russ.).
9. Makhmadiev R.Z. The birth of a lawyer-architect: a new profession for the new millennium. *Law and State: Theory and Practice*. 2025;(12):190–193. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2025_12_190.
10. Anners E. *History of European law*. Moscow: Nauka; 1999. 395 p. (In Russ.). ISBN 5-02-008330-5.
11. Sharakhina L.V., Achkasova V.A. New vectors of strategic communications: social architecture as an urgent agenda. *Litera*. 2025;(10):1–10. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8698.2025.10.76091. EDN: RUKGWO.
12. Makhmadiev R.Z. Axiology of ius naturæ in modern conditions (philosophical and legal foundations of the crisis of the theory of international human rights law). *Law and State: Theory and Practice*. 2025;(6):100–103. (In Russ.).

13. Toynbee A.J. *The role of the individual in history*. Moscow: Astrel; 2012. 222 p. (In Russ.). ISBN 978-5-271-41624-8.
14. Zhdanov V.L. Toynbee's philosophy of history in the context of global world transformations. *Philosophical Thought*. 2019;(8):1–6. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8728.2019.8.30830.
15. Pashentsev D.A. Anthropocentrism as a way to overcome narrative in historical and legal research. *Moscow Legal Journal*. 2022;(3):44–50. (In Russ.).
16. Puchkov O.A. Legal anthropology and the development of the science of state and law: theoretical foundations [dissertation]. Yekaterinburg; 2001. 502 p. (In Russ.).
17. Gumilev L.N. *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. Saint Petersburg: Azbuka; 2019. 670 p. (In Russ.). ISBN 978-5-389-15673-9.
18. Vedeneev Yu.A. Anthropology of law: between sociocultural traditions and innovations. *Lex Russica*. 2016;(9):9–26. (In Russ.).
19. Petukhova E.I. Artificial intelligence and the presumption of good faith: legal boundaries of predictive analytics in public audit. *Law and Management*. 2026;(4). (In Russ.).
20. Lessig L. Free culture: how big media uses technology and the law to lock down culture and control creativity. Moscow: Pragmatika kulturey; 2007. 269 p. (In Russ.). ISBN 5-98392-009-X.
21. Kostolomova M.V. Social reality and the process of dehumanization: new meanings. *Vestnik NSUEM*. 2020;(3):241–249. (In Russ.).
22. Dorofeeva M.A., Samusenko T.M., Gongorova D.V. The new future for the legal profession: challenges and opportunities of LegalTech. *Legal Policy and Legal Life*. 2024;(3):337–346. (In Russ.).
23. Shcherbacheva L.V. Modern IT technologies in jurisprudence. *Education and Law*. 2023;(9):289–291. (In Russ.).
24. Kashkin S.Yu., Makhmadiev R.Z. Legal anthropocentrism as a tool for overcoming the methodological crisis of the legal profession. *Law and State: Theory and Practice*. 2026;(1):57–61. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2026_1_57. EDN: IEGSAY.
25. Sinyukov V.N. System methodology and patterns of legal regulation. *Moscow Legal Journal*. 2017;(4):42–51. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. З. Махмадиев - аспирант кафедры Теории и истории права и государства, Российский новый университет, г.Москва, Россия.

R.Z. Makhmadiev - postgraduate student of the Department of Theory and History of Law and State, Russian New University, Moscow, Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Статья поступила 29.07.2026; одобрена после рецензирования 04.09.2026; принята к публикации 10.09.2026.

The article was submitted 29.07.2026; approved after reviewing 04.09.2026; accepted for publication 10.09.2026.